

В. Рикс

Немцы Пруссии и русские: экскурс в историю соседей

Если мы хотим исследовать историю Восточной Пруссии с позиций современности, т.е. с позиций оценок нашего настоящего, то в первую очередь нам необходимы по возможности глубокие познания в области российской истории, а также знание русского менталитета. Только на базе нижеследующих умозаключений можно говорить об отношениях между Пруссией и Россией.

Быть может, это покажется странным, но прежде чем обратиться к сути интересующего нас вопроса, мы должны взглянуть сначала на Запад. Если отвлечься от Франции, захватническая рейнская политика и гегемонистские устремления которой привели к военной конфронтации Пруссии и Наполеона, и обратиться к отношениям Пруссии с другими странами, можно отметить, что Пруссия, несмотря на различные альянсы, довольно быстро подвергается отторжению со стороны англосаксонских кругов. Причиной тому стали диаметрально противоположные государственные подходы, базисные различия ценностных ориентиров и философии, несопоставимость мировосприятия. Английское государство являет собой некий механистический аппарат, построенный на утилитаризме и прагматизме, ему во многом недостает метафизического горизонта ориентации. Государство же в прусском понимании, напротив, представляет собой организм, черпающий свою жизненную силу за счет задействованности каждого отдельного человека на самых различных уровнях. Если англичанин Томас Гоббс в «Левиафане» (1651) описал государство как институт, в котором лишь сила суверенов может положить конец непрерывной войне людей-волков друг против друга, то прусское понимание государства основывается на идеях Пуффендорфа, Фихте и Гегеля, исходит из того, что отдельные индивидуумы дополняют друг друга и действуют, выработав некоторое более высокое понимание всеобщего блага. Безграничной устремленности отдельной личности в англосаксонской модели, сегодня это называется «самореализация», противостоит прусская социальная этика Иммануила Канта. Безграничное же развитие экономической мощи в смысле английского либерализма, достигшего, как это некоторым кажется, своего наивысшего развития в виде современного охватившего весь земной шар глобализма, резко отличается от подчинения экономики нуждам госу-

дарства как выражения гармонической целостности. А практикующемуся во Франции и Англии административному и экономическому централизму диаметрально противостоит идея муниципального самоуправления.

Подобные противоречия являются не просто материалом для философской игры ума. Вкупе с экономическим соперничеством они привели в политической практике к резкому идеологическому противостоянию.

Мировоззренческое отторжение Пруссии англосаксонским образом мыслей можно проследить далеко после завершения XIX века. Правда, в целях борьбы против господства Наполеона с Пруссией заключается вынужденный союз, но все силы английской политики были едины в осознании принципиального отторжения прусской идеи.

Фридриху Вильгельму фон Штойбену (1730 – 1794), главному инспектору и временно даже начальнику Генерального штаба Вашингтона, удастся, правда, реформировать североамериканскую армию и привести ее к победе над англичанами. Однако Штойбен всегда подозревается в пристрастии к чуждому американцам прусскому духу. Подобное недоверие и подспудное неприятие являются, в конце концов, причиной его разочарованного ухода в личную жизнь.

Когда читаешь автобиографию Черчилля, можно прийти к заключению, что Великобритания вела вторую мировую войну исключительно против Пруссии, а Гитлер был лишь каким-то периферийным явлением. Это объясняет и ту поспешность, с которой Контрольный совет 28 февраля 1947 года принял противоречащее международному праву решение №46 о прекращении существования Пруссии. Тем самым была воплощена в жизнь программа Западной коалиции, что подтверждается рамочными положениями к Версальскому договору 16 июня 1919 года: «Для всей истории Пруссии характерны дух завоеваний, нападений и войн. Находясь под гипнозом успехов Бисмарка, который, следуя традиции Фридриха Великого грабить соседей и ковать единство Германии кровью и железом, немецкий народ после 1871 года без оглядки подчинился влиянию лидерства прусских господ». Константность подобных моделей мышления проявилась и во время восстановления единства Германии: в английских газетах публиковали карикатуры, изображавшие канцлера Коля в прусской военной форме с вильгельмовским шлемом, несмотря на то что Коль, родом из земли Рейнланд-Пфальц, так далек от того, чтобы быть пруссаком, как Бонн далек от Берлина.

Внук Аденауэра, Гельмут Коль впитал до мозга костей дух неприятия прусской идеи, характерный для представителей Рейнланда. Например, 28 мая 1946 года Конрад Аденауэр писал каплану Иоганну Веберу в Ван (Rhöndorfer Adenauer Ausgabe, Siedler Verlag; 1955, S.255 f): «Вопрос размещения восточных беженцев – дело очень сложное и серьезное. С одной стороны, мы должны по возможности хорошо с ними обойтись, но с другой стороны, как Вы верно объясняете, мы не можем пересаживать прусский дух в нашу рейнскую молодежь. Мы должны попытаться ассимилировать их и инкорпорировать в наш менталитет. Несомненным является тот факт, что

на ведущих должностях недопустимо скопление беженцев с востока». (Уже после 1918 года были подобные заявления, они весьма характерно проливают свет на западногерманскую политику после 1945 года). Так, по приглашению обербургомистра Кельна Конрада Аденауэра – центристская партия – 1 февраля 1919 года в город великого собора съезжаются политики от различных партий, чтобы обсудить вопросы основания «Рейнской Республики». Аденауэр заклинает присутствующих: «Вследствие опыта, выпавшего на долю Германии в связи с государством-гегемоном Пруссией, после того как гегемония Пруссии не случайно, а как неизбежное последствие системы привела к краху, другие федеральные земли не будут больше ее терпеть. В глазах наших противников Пруссия является злым духом Европы ... Пруссия, по их мнению, была в руках бессовестной, похотливо жаждущей войны касты вояк. А Пруссия овладела Германией, овладела также и народами Западной Германии, по всему своему мировосприятию симпатизировавшими Антанте. Если бы Пруссия была разделена, а западные части Германии объединились бы в федеральное государство Западно-Германская Республика, то распространение по всей Германии духа Востока, милитаризма Пруссии стало бы невозможным; определяющее влияние кругов, которые вплоть до революции задавали тон в Пруссии, и тем самым во всей Германии, было бы исключено даже в случае, если бы они смогли после революции снова набраться сил». В постановлении же Контрольного Совета борьба против прусского миропорядка нашла свое завершение: «Государство Пруссия, которое с давних пор являлось носителем милитаризма и реакции в Германии, прекратило в действительности свое существование».

Тезис о необходимости прекращения существования Пруссии для обеспечения международного мира на фоне многочисленных войн после 1945 года, будь то только «представительные» или настоящие войны, оказался завуалированным мирными аргументами – оружием пропаганды. Уже свободный от предубеждений взгляд на войны европейских держав времен с 1870 – 1871 гг. до 1914 года дает возможность увидеть несостоятельность такого рода тезисов. Пруссия / Германия вела в это время четыре войны: немецко-французскую войну, войну в Юго-Западной Африке, бесславную войну в Китае вместе с Великобританией, Францией и Японией, а также первую мировую войну. Если и оказывала философия когда-либо сильное влияние на мышление Пруссии, то это было учение Канта. В своем труде «О вечном мире» Кант набросал теорию мировой гармонии просвещенного и рационально действующего человечества. Этот труд отражает одновременно и основные черты прусского мышления, и будущую направляющую линию прусского сознания: Пруссия, согласно своей государственной доктрине, была все что угодно, только не милитаристской. Возможно, казарменные плацы и армия как школа нации играли очень определенную роль, но они не являлись основными движущими силами политического действия. Скорее они отражают идеи французского Просвещения, которое пропагандировало концепцию народной армии. Великобритания, которая хотела выглядеть демократичной и либеральной, воевала серьезно,

напротив, с 1870 по 1914 годы по меньшей мере 84 раза, причем эта цифра не включает в себя число специальных военных операций, которые были проведены в завоеванных областях и колониях.

Карл Клаузевиц (1780 – 1831) много размышлял о войне, но он не был военным теоретиком, скорее мыслителем, который жаждал дать определение конечному и абсолютному средству искусства управления государством. Война не должна была быть обычным средством политики, а последним инструментом государства в смысле самоутверждения. Уже пушки прежней Пруссии имели надпись *ultima ratio regis* – королевской мудрости последнее решение. И упрек в том, что Пруссия ассоциируется с роковым раболепием скота, при ближайшем рассмотрении не имеет под собой действительной основы. На кладбище в Гроссриетце, район Бесков – Шторков, провинция Бранденбург, находится могила Людвиг фон дер Марвица, который имел здесь владения и считался одним из самых своенравных и блестящих умов старой Пруссии. В церкви одна надпись сохранила его высказывание, четко передающее главное в прусском образе мышления: «Видел героическое время Фридриха и сражался рядом с ним во всех его войнах, выбирал немилость там, где послушание не делало чести».

Это – не единственный изолированный пример. Такой же смысл имело и признание Генриха Клейста: «Я ношу в своей груди внутреннее обязательство, с которым не сравнится никакое внешнее, даже если бы его подписал какой-либо король». И позже прусский фельдмаршал Йорк фон Вартенбург (1759 – 1830) предложил своему королю в полном смысле этого слова свою голову, так как, следуя своей совести, в военном смысле был непокорным. В 1779 году за неповиновение Йорк был приговорен к заключению в крепость. Когда он снова добился успеха в прусской армии, то заключил 30 декабря 1819 г. с русскими Таурагскую конвенцию, которая нейтрализовала прусский корпус и послужила совершенно не предусмотренным королем сигналом разрыва с Наполеоном.

Исследуя предысторию решения Контрольного Совета о прекращении существования Пруссии, с удивлением видишь, что инициатива исходила от западных союзников, а Советский Союз не проявлял никакой поспешности. Он, видимо, в этом вопросе держался сдержанно, так как сам после Сталинграда доказал, что очень хорошо понимает прусские идеалы, и сумел их реализовать, основав «Союз немецких офицеров» (ВДО). Это понималось очень хорошо и при организации «Национального комитета Свободной Германии», а цветами черный – белый – красный были мобилизованы прусские ценности. И не последним Карл Маркс постоянно приводил прусское государство в качестве примера современного гражданского общества. Молодой историк Олаф Розе недавно показал в своей работе, что Ленин не только воспроизводил Клаузевица на немецком языке, но и комментировал его. Еще более удивительным является тот факт, что советский Генеральный штаб во время всей войны учитывал принципы Клаузевица. Напротив, Генеральный штаб Германии явно их опрокидывал, так как Клаузевиц, исходя из опыта наполе-

оновских войн, всегда подчеркивал, что Россия благодаря своей территории и ресурсам, непобедима. Агрессивная полемика вокруг «прусского юнкерства» играла в советской пропаганде центральную роль, советский сатирический журнал «Крокодил» создавал своими карикатурами искаженный образ юнкеров для насмешек, но одновременно бросается в глаза, что отношение к Пруссии было в высшей степени амбивалентным. Даже в ГДР предписанное почитание прусских инициаторов реформ прошло некоторую ментальную стадию, которая выходит за пределы простой инструментализации идеи для укрепления государства.

В силу своего геополитического положения Германия и Россия зависят друг от друга намного больше, чем другие европейские рынки. Обе страны могут оглянуться на долгие эпохи плодотворного сотрудничества, когда они обменивались не только товарами, но и знаниями, умениями и симпатиями. В течение тысячи лет совместной истории представители обоих народов со странной интенсивностью чувствовали притяжение друг к другу или к стране другого. Помимо деловых контактов четко вырисовывается не поддающееся объяснению взаимное притяжение, желание понять суть и дух другого, ощутить, что такое этот человек; это, несомненно, проявляется в музыке, литературе и изобразительном искусстве. Когда Бисмарк в 1862 г. некоторое время был послом в Париже, его брак оказался под угрозой из-за возникшего там духовного притяжения к одной русской особе с богатым внутренним миром.

Пруссия была сильна в том, что считалось германской компетенцией, и эта сила во многом определяла контакт с Россией. Многие русские учились в немецких университетах, пока у них на родине не было таких учреждений. Многие немцы помогали в создании системы образования в России и созревали там духовно, становились личностями. Один царь был немцем, большинство цариц были урожденными немками, также как и многие государственные деятели, военачальники, археологи, изобретатели и первооткрыватели, революционеры и особенно большое число необыкновенных женщин. Многие русские дворянские роды берут свое начало от немецких иммигрантов, такие как графы Толстые и князья Кутузовы. Особенно тесными были связи в музыке, литературе и философии. Неиссякаемыми и плодотворными были взаимоотношения эпохи романтизма. В то время как для англичан метафизические параметры немецкого романтизма казались даже чем-то жутким, русские и немцы именно в этой области чувствовали свое глубокое духовное родство. Э.Т.А. Гофман как музыкант и писатель находит именно в России восхищенное признание. И сегодня его имя носит одна из музыкальных школ в Калининграде, в здании школы действует небольшая выставка, посвященная Гофману.

В первой половине XIX века берлинская музыка помогает русской музыке вырваться из клерикальных оков. Михаил Глинка будучи в Берлине впитывал в себя музыку Баха, Генделя и Телемана, также как и народные оперы романтиков. Здесь он совершенствовал владение теорией и получил практические импульсы. Написанная им позже, считающаяся

такой значительной, русская народная опера родилась в Берлине. Берлинские салоны страстно увлекались русской музыкой. Военные во время торжественной зори играли прочувствованный хорал «Мы молимся силе любви» – сочинение русского композитора Дмитрия Бортнянского, заимствованное и республиканским рейхсвером, и вермахтом.

При переписи населения в 1979 году, 103520 граждан Советского Союза назвали немецкий своим родным языком, и тогда, и раньше, когда они были депортированы со своей родины на Волге в Казахстан. В США в 1991 году немецкий язык изучали только немногим более 400 тысяч школьников и студентов. Напротив, в том же году более 8 миллионов русских интенсивно занимались немецким языком и литературой.

Прусско-российские отношения пережили во время Семилетней войны (1756 – 1763) свое самое большое испытание, если не принимать во внимание первую мировую войну. В 1757 году царица присоединилась к Версальскому договору Австрии и Англии против Пруссии. Она хотела тем самым использовать борьбу Англии и Австрии против Пруссии. Под командованием Фермора русские захватили в 1758 году Восточную Пруссию. В последующее время возникло принципиальное недовольство Фридриха Великого восточнопрусской аристократией, так как она слишком поспешно проявила готовность присягнуть на верность Елизавете. Фридрих этого никогда не простил и отказался с тех пор ступить когда-либо на восточно-прусскую землю. Готовность дворянства подчиниться русской верховной власти была для него особенно болезненной, ведь Кенигсберг был тем местом, где курфюрст Фридрих III Бранденбургский 57 лет назад короновал себя королем Фридрихом I в Пруссии. Однако у Фридриха было достаточно сил, чтобы абстрагироваться от личной боли и завещать, еще раньше Бисмарка, стремление к урегулированию отношений с Россией как условию успешной политики.

После сокрушительного поражения при Кунерсдорфе (12 августа 1759 года) прусская армия почти прекратила свое существование. Захвата Пруссии не произошло только потому, что австрийское и русское руководство не могли договориться о дальнейших мерах: прусские попытки мирных переговоров не увенчались успехом, так как Австрия и Россия в походе, запланированном на 1760 год, стремились к полному уничтожению Пруссии. Поэтому Фридрих находился в дипломатическом и военном плане в почти безвыходном положении. Внезапное изменение положения последовало, когда после смерти царицы дружески настроенный по отношению к Пруссии царь Петр III тотчас же прекратил войну против Пруссии и отказался в мирном договоре от всех притязаний на завоеванные в Пруссии территории.

Теперь Фридрих мог даже рассчитывать на русскую помощь и на территориях, еще занятых русскими, даже набирал солдат, так что численность прусской армии увеличилась снова до 210 тысяч человек. Но такое счастье для Пруссии развитие было прервано с низложением царя. В жестких переговорах с Екатериной II было все же достигнуто, что 20-тысячная русская армия будет не сразу выведена, а задействована для обороны от авст-

рийской угрозы. Как мы знаем, Бисмарк основательно изучил эти события и сделал заключение, что Германия, в силу своего положения в середине Европы, принципиально нуждается в прикрытии со стороны России.

Правильность этой оценки подтвердилась затем уже в освободительных войнах. После поражения под Иеной и Аустерлицем 14 октября 1806 года одна роковая весть опережала другую. Прусское правительство незамедлительно переместилось в Штеттин. 25 октября капитулировал Шпандау, 29 октября Кюстрин, 1 ноября Штеттин, а 28 ноября князь Гогенлоэ сложил оружие под Пренцлау.

7 ноября взяли в плен даже знаменитый корпус Блюхера, днем позже Магдебург без боя предпочел подчинение. Тем самым духовно Пруссия была полностью разбита. Министр Восточной Пруссии фрайхерр фон Шрёдер впал в депрессию и высказал мнение, что дальнейшее сопротивление Пруссии равносильно самоубийству. Порученное ему задание обеспечить провиантом и фуражом остатки прусской армии он, соответственно, выполнял в высшей степени неудовлетворительно. Барон рейха фон Штайн и верховный президент Восточной Пруссии Теодор фон Шён, напротив, требовали непременно продолжать войну и ввести в действие все необходимые для этого возможности.

Под руководством Харденберга прусские реформаторы посылали многочисленные докладные записки Фридриху Вильгельму III с целью нарушить сепаратный мир с Францией. В противовес России – так они аргументировали – этот мир подчинил бы Пруссию Наполеону и лишил бы ее полностью уважения европейских держав. Только на стороне России можно было вновь завоевать независимость. Упорная борьба между концессионной и военной партиями имела конституционную подоплеку, так как опирающаяся на реформу военная партия хотела противопоставить исполнительному совету кабинета политически представительный Государственный Совет.

Союз с Россией был, однако, подвергнут чрезвычайно тяжелому испытанию. В военном плане прусские и российские войска отличались друг от друга как день и ночь. Когда Фридрих Вильгельм III и царь Александр 6 мая 1807 г. устроили совместный смотр армии в Восточной Пруссии, различие было прямо-таки пугающим. Разрушительно сказывалось и то, что командование русскими войсками взял на себя граф Левин Август Беннигсен. Не только потому, что ряд его решений приводил к поражениям, он был еще и плохим организатором, а также не мог обеспечить дисциплину в войсках. Распушенность и коррупция, вплоть до самых высших чинов, привела к полному разложению русского войска.

Так как деньги, предназначенные царем для русских солдат, пропали в результате коррупции, должна была вмешаться прусская корона, лично сам король вынужден был стать поручителем в делах с поставщиками. Русские были не в состоянии (или просто не хотели) обеспечить своих солдат средствами передвижения. Вместо этого они постоянно реквизи-

ровали лошадей и транспорт у восточнопрусских крестьян. В результате этой распушенности поголовье лошадей настолько сократилось, что невозможными стали нормальные полевые работы.

При этом русское руководство выступало в высшей степени самоуверенно, считая, что Пруссия целиком зависит от России. В свою очередь, прусские службы различными ассигнованиями пытались склонить русских к более миролюбивому отношению. Так, Шретер посетил штаб-квартиру русских войск в марте 1807г. и передал вместе с письмом короля щедрые денежные подарки русским офицерам, но это не произвело ощутимого эффекта. При взятии Данцига основную тяжесть боя взяла на себя прусское войско. Правда, спустя месяц после посещения Шретера 26 апреля 1807 г. была подписана Бартенштейнская конвенция, в соответствии с ней Россия обязалась поддерживать границы Пруссии на уровне 1805 года. Но семь недель спустя Россия уже кокетничала с Францией и заключила временный сепаратный мир.

Однако подобные случаи не могли изменить убеждения Штайна и Шёна, что единственный шанс восстановления Пруссии – идти вместе с Россией. В 1812 году события достигли драматического предела. В конце декабря 1812 года русские войска жестко потеснили прусский вспомогательный корпус под командованием Йорка при отступлении на Тильзит. Уже в ноябре под Ригой русские втайне потребовали от Йорка изменения в коалиции. Йорк заключил конвенцию с русским генералом Дибичем, выходцем из Силезии, на мельнице под Таураге, без разрешения короля. Фридрих Вильгельм III отменил конвенцию и отдал Йорка под военный суд. Но однажды начатые события опрокидывают решение короля. Историки едины в мнении, что именно это русско-прусское соглашение было поворотным пунктом в европейской истории. Самовольное решение Йорка послужило сигналом для отпадения Пруссии от Наполеона.

В 1813 г. Эрнст Моритц Арндт заезжает, возвращаясь на санях из Санкт-Петербурга, к фон Шёну в Гумбиннен, видит горы трупов, объединяется с фон Шёном, продолжает поездку до Кенигсберга, где под руководством Штайна должен произойти решительный поворот, приведший к освобождению Пруссии. Призыв к народному восстанию был маневром особого рода. Его основой должны были стать разработанные Гнейзенау еще в 1808 г. и отклоненные королем планы создания ланштурма.

Как российский уполномоченный Штайн посетил в Гумбиннене Теодора фон Шёна, чтобы сделать его союзником в своих планах. Но старые друзья повздорили друг с другом. Кроме того, нельзя было создавать впечатление, что речь идет о вооружении народа под русским началом. И наконец, нельзя было выступать в прямой оппозиции к королю, который все еще не отрицал возможности компромисса с Наполеоном.

Мысль о необходимости подчиниться русскому уполномоченному была несовместима с самосознанием и гордостью фон Шёна, хотя фон Штайн и был его самым близким политическим другом; охранять, насколько это возможно, независимость и честь прусского управления как против русских, так

и против французов, он считал своим самым благородным служебным долгом. Наконец, они сошлись на том, чтобы представить внешне процесс таким образом, будто бы необходимо идти навстречу русским союзникам, в то время как, с другой стороны, имелась якобы возможность сохранить формальную самостоятельность руководства.

Решение было практически гарантировано процедурным трюком: теоретически последнее решение предоставлялась королю. Но поскольку правительство с 25 января 1813 г. находилось в Бреслау и король был тем самым практически недоступен, необходимо было проявлять инициативу. Таким способом народное восстание, которое организовали провинциальные органы власти с русской помощью и без согласия короля, стало добровольной просьбой сословий усилить королевскую власть. Возникло удивительное положение вещей: чиновничество и сословия Восточной Пруссии показали себя в состоянии освободиться от строгой монархической лояльности и завершить дело Таураге. При этом они развили такое рвение, которое не могло не оказать влияния за пределами провинций. Восточнопрусский закон о ландвере дал толчок к созданию Шарнхорстом знаменитого ополчения 1813 года. Восстание восточнопрусских сословий явилось, тем самым, сигналом к национальному подъему. Тот явный факт, что больше всего изнуренная, опустошенная на огромных территориях провинция собралась с силами, чтобы сопротивляться, имел невиданные политические последствия. Это было одновременно блестящим опровержением трусливого мнения, которое Фридрих Вильгельм с 1806 года имел о патриотическом настроении своего народа.

Когда весной 1859 года Отто фон Бисмарк поехал в Санкт-Петербург, чтобы занять там пост прусского посланника, его противники полагали, что отодвинули его на незначительную позицию на окраине Европы. Существует мнение, что в этом они основательно ошиблись. В Санкт-Петербурге Бисмарк отточил свои способности в политической игре до мастерства. Не говоря уж о личных связях, опыт, приобретенный в русской метрополии, стал основой оценок, которые оказались основополагающими для его будущей политики. Уже письмо, написанное во время путешествия из Ковно 25 марта 1859 г. и адресованное его жене, содержит хотя и случайное, но все-таки по сути показательное замечание: «Русские очень любезны, но у них плохие почтовые кони». В то же время он мог размышлять о том, почему русская железная дорога доходила только до Плескау и не вела дальше на Запад.

Наставником Бисмарка стал тогда самый значительный русский государственный деятель – князь Александр Горчаков. Они были знакомы еще раньше и прониклись уважением друг к другу. С 1841 по 1850 гг. Горчаков был посланником в Штутгарте при вюртембергском короле (в это время он подготовил брак между русской великой княгиней Ольгой и кронпринцем, ставшим позднее королем Карлом). Кроме того, до 1854 года он был русским уполномоченным при Германском Бундестаге во Франкфурте. Между обоими мужами сложились настолько дружеские

отношения, что в последующие годы они совместно делали европейскую политику, и даже когда им приходилось политически противостоять друг другу, они не теряли из-за этого взаимного уважения.

Санкт-Петербург и Берлин были связаны между собой многочисленными нитями. 2 марта 1855 г. умер своей собственной смертью Николай I, тогда как его отец и дед стали жертвами дворцовых переворотов. Он строил свою политику по принципу: “С моими русскими я всегда справлюсь, если смогу им смотреть в лицо, но я не позволю им сесть мне на спину”. Это кажется почти проявлением исторической иронии, так как в течение всего своего правления он постоянно страдал от мучительных болей в спине. Его шурин Фридрих Вильгельм IV присылал ему поэтому регулярно двух унтер-офицеров из Потсдама, чье искусство массажа могло облегчать боли в спине царя. Его супруга – царица Александра – была урожденной принцессой Пруссии, дочерью королевы Луизы.

Александр II, старший сын Николая I, совершенно сознательно выделял Бисмарка среди других 39 представителей Германского союза, аккредитованных в Санкт-Петербурге. 5 мая 1859 года Бисмарк написал своей жене: «Его величество постоянно говорил мне в лестных выражениях о наших войсках и учреждениях и обращал мое внимание на то, чему у нас можно подражать». Поскольку Пруссия воспринималась как образец, многие немцы оказывались на влиятельных постах в России. Их можно было встретить на высоких военных командных должностях и в решающих сферах управления. Они строили рудники и железные дороги, изучали вновь приобретенные регионы. Они были исследователями, учеными и купцами. Они были нужны, но могли стать и обременительными, когда русский менталитет настраивался на тот образ жизни, который вел знаменитый герой романа Обломов.

Бисмарк констатировал рост антигерманских настроений, эта враждебность была направлена не столько против Германии как политической заграницы, сколько против немцев в России. Работавший в прусском посольстве под руководством Бисмарка Курд Шлёцер (1822 – 1894), член знаменитого рода дипломатов и ученых Шлёцеров, констатировал с большой озабоченностью, что рост комплекса неполноценности по отношению к Западу создает больной климат, между тем как прибалтийские провинции (входившие в состав России) ведут еще сказочно спокойное существование. На них и на Финляндию русский смотрит с завистью. Особенно его раздражает немецкое, то, что цепко сохраняет себя и свои институты и одновременно без шума идет вперед в культурном, духовном и экономическом отношении. Перед лицом просыпающегося славянского национального самосознания лучшее управление прибалтийских провинций может стать достоянием, таящим в себе источники роковых событий.

Когда в 1886 г. в Санкт-Петербург приезжает Карл Шлёцер-младший (1854 – 1916), он сталкивается с тем, что немецко-русские отношения ох-

ладились еще больше. Так, он пишет своей матери: «Отношения для чужих здесь не так просты, как в Ваше время. Безобидности общения с немцами больше нет».

Бисмарк умел оценивать обе стороны России и учитывать это соответственно в политической практике. За три года в России развиваются руководящие линии и принципы политики, которую он должен был проводить как прусский премьер-министр и германский рейхсканцлер. Сюда относится также, как пишет он в своих «Мыслях и воспоминаниях», принцип: «С Россией у нас никогда не возникнет необходимость войны». Его роль честного маклера во время Берлинского Конгресса показывает ярко, с какой виртуозностью он умел воплощать этот принцип в жизнь. Но для этого была необходима в высшей степени сложная система договоров, искусная игра сил, владение которыми во времена после Бисмарка было утрачено во вред обеим странам.

Эти спорадические замечания представляют собой прелюдию к несколько более общим размышлениям. В случае с Пруссией/Германией и Россией речь идет о двух континентальных державах, одна из которых находится в центре Европы, другая важна как основная сила евроазиатского континентального массива. В смысле этой генерализирующей базы рассмотрения они оказываются тем самым соседями, естественным образом соотносительными друг с другом. Уже только из этих предпосылок вытекает конвергенция интересов, которая более четко выражена, чем совпадение с интересами тех держав, которые расположены по ту сторону Атлантики или по западной кайме Европы. Военный конфликт между европейской державой в центре и мощной русской территорией должен, как это уже сформулировал Клаузевиц, привести к европейской катастрофе. И напротив, компромисс интересов между обеими державами означает для Европы стабильность и процветание.

Обмен идеями с Западной Европой для Германии жизненно необходим. Но фиксирование немецкого взгляда на Запад, установившееся вследствие сталинских преступлений после 1945 года, не может долгосрочно соответствовать немецким интересам. Пруссия не только показала, что она обладала политической способностью иметь дело с Россией, но и выстроила многочисленные духовные связующие линии. Западное неприятие Пруссии является коррелятом восточной ориентации этого государства. В самом широком смысле между Германией и Россией имеются многочисленные общие точки соприкосновения. У России – европейское лицо с азиатскими чертами. Это европейское лицо существенно сформировалось под немецким влиянием. Азиатские черты для нас могут быть чуждыми, но они могли бы внести свой вклад в то, чтобы Европа выработала разумную азиатскую политику. Ни в коем случае в будущем Германия не должна позволить злоупотребить собой, чтобы в интересах заокеанских держав оказаться на позициях против России. Пруссия подает исторический пример тому, что при всех проблемах, которые неизбежно возникают в политической действительности, можно найти плодотворный компромисс.

Перевод с немецкого Д. Сальковой